

Турков А. Слава А.П. Чехова. (К столетию со дня рождения. 29 января 1860 г. – 29 января 1960 г.) // Вестник. Торонто, 1960. 27 января. № 1891. С. 3.

А. ТУРКОВ

Слава А. П. Чехова

(К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ 29 ЯНВАРЯ (1860 г. — 29 ЯНВАРЯ 1960 г.))

“Что обо мне будете писать в своих воспоминаниях? — шутиливо донимал Чехов своих собеседников и прибавлял: — Не пишните, что я был “симпатичный талант и кристальной чистоты человек”.

И когда он сейчас глядит на нас с портретов, в его глазах совестливым авторам мерещится насмешливое ожидание: а ну-ка, послушаем, что вы скажете на моем юбилее!

Хорошо бы сказать так:

— Я глубоко убежден, что, пока на Руси существуют леса, овраги, летние ночи, пока еще кричат кулики и плачут чибисы, не забудут ни вас, ни Тургенева, ни Толстого, как не забудут Гоголя. Вымрут и забудутся люди, которых вы изображали, но вы останетесь целы и невидимы. Такова ваша сила и таково, значит, и счастье.

Но слова эти уже сказаны. Сказаны Чеховым о другом писателе, хотя они куда более приложимы к литературной судьбе самого Антона Павловича.

Впрочем, сила и счастье Чехова таковы, что даже и эти прекрасные слова кажутся недостаточными. Не только вымерли и позабылись люди, послужившие образцом для чеховских героев! Шестидесяти лет не прошло со дня смерти Чехова, а в жизни России совершились такие перемены, что многое в чеховских книгах выглядит уже как картины жизни какой-то отдаленной исторической эпохи, если не геологической эры.

Представьте себе, что, оказавшись в палеонтологическом музее, вы остановились перед скелетом ископаемого ящера. И вдруг эти желтые кости на ваших глазах обросли плотью, в пустых глазницах воскресли глаза, и чудовище устремило на вас тусклый и недобрый взгляд.

Так порою ощущаешь себя, читая Чехова, когда давно отжившие социально-общественные явления предстают перед тобой в своем пугающем облике. Слово в панорамном кино, вы невольно отшатываетесь от волосатого кулака тупого большого слугителя, утихомиривающего “непокорных” больных. Дымится телце ребенка, которого насмерть обварили кипятком, чтобы он не оказался наследником денег и имущества...

Чехов угадывал бесчеловечность верхушки современного ему общества, в какие бы павлиньи перья она ни рдидлась.

Герой повести “Дуэль”, задумав оставить соблазненную им женщину, прискивает всевозможные объяснения и оправдания своему поступку. Но писатель подмечает в этом изолгавшемся существе такое душевное движение, которое выдает нам истинный характер происходящего:

“...ему было в ее присутствии немного совестно, как в присутствии больной или старой лошади, которую решили убить”.

Тут потрясает не только само сравнение, но и как бы ненароком брошенное слово “немножко”.

Равнодушные, этот паралич души, как называл его Чехов, прочно завладевали людьми, попавшими в трясину обывательского существования.

“Линтваревы — прекрасный материал, — размышляет Чехов о судьбе знакомого семейства, — все они умны, честны, знающие, любящие, но все это погибает даром, ни за понюшку табаку, как солнечные лучи в пустыне”.

“Три сестры” — как бы дальнейшее развитие этих мыслей.

“О, если бы не существовать! — стонет доктор Чебутыкин, в минуту прозрения признаваясь себе в том, что он решительно ничего не знает, все позабыл: — ...В прошлую среду лечил на Засыпи женщину — умерла, и я виноват, что она умерла”.

“Она уже забыла, — говорит Ирина Прозорова, когда при ней вспоминают, что ее сестра Маша “играет на рояле чудесно” — Три года не играла... или четыре”.

И плачет по самой себе: “Я вас забыла, забыла... У меня перепуталось в голове... Я не помню, как по-итальянски ок-но или вот потолок...”

“Все равно...” — вяло отмахивается Маша, собираясь в

разгар праздника уйти домой. И эти слова все чаще и чаще слышатся к концу пьесы. “Одним словом, я не знаю, мне решительно все равно”, трусливо отделяется Андрей Прозоров от встающих перед ним вопросов. “Ну, да все равно”, — трет себе лоб Соленый, снова замыкаясь в себе после неудачного объяснения с Ириной. “Все равно...” — плачет Маша, расставшись с Вершининым, которого она любила. “Все равно! Все равно!” — бормочет Чебутыкин, возвращаясь с дуэли после гибели Тузенбаха.

В письме одному из литераторов, говоря о его героях-художниках, Чехов заметил, что “за их спинами не чувствуется ни русская природа, ни русское искусство с Толстым и Васнецовым”.

За спиной самого Чехова русское искусство с его замечательными традициями очень ошутимо. Скромный человек, он был дерзким наследником. Многие во взглядах и литературной технике предшественников и старших современников казалось ему устарелым, консервативным, не подходящим для современного искусства. Но творчество его неотделимо от них.

Сила Чехова не только в том, что без проникательных наблюдений этого человека, долгое время считавшего своей основной профессией медицину, “история болезни” старого общества была бы книгой с вырванными страницами.

“...цель моя — убить сразу двух зайцев, — писал он об одном своем замысле, — правдиво нарисовать жизнь и кстати показать, насколько эта жизнь уклоняется от нормы”.

Тоска по норме жизни — это тоска по будущему, особенно ошутимая в последних произведениях Чехова, это суровая оценка настоящего с точки зрения тех идеалов человеческого общества, которые должны восторжествовать в будущем. Она совсем не похожа на прекраснотушные мечтания некоторых героев Чехова, которые он передает со злой иронией:

“— Настоящее противно, но зато когда я думаю о будущем, то как хорошо! — вздыхает Андрей Прозоров, славившийся на мимость торжествующей пошлости. — Становится так легко, так просто; и вдали заблещит свет, я вижу свободу, я вижу, как я дети мои становились свободны от праздности, от квасу, от гуся с капустой, от сна после обеда, от подлого тунеядства...”

Но стоит появиться в окне настоящей хозяйке жизни — его супруге Наталии Ивановне и грозно спросить: “Кто здесь разговаривает так громко?.. Софочку разбудил?” — чтобы наш мечтатель, знающий свой шесток, сконфуженно заверил: “Я говорю тихо”.

Первая обязанность тех, кто хочет искать “путь к человеческому счастью” — не морочить самих себя, иметь смелость признать откровенно то, что есть, — писал В. И. Ленин в те годы.

Антон Павлович обладал этой смелостью в высшей степени и глубоко презирал “настоящих философов и настоящих социологов-наркоистов”. Так именвал он вожakov народного движения, против которых и были направлены ленинские слова.

В медицине есть термин “гиппократова маска”, обозначающий характерное изменение лица умирающего. Известно, казался ли Чехову Воронцов просто напущающим на себя шарлатанскую важность исцелителя общественных недугов, или писатель уже тогда, в 1888 году, смутно чувствовал, что “народнические идеи отживают свое. Во всяком случае, впоследствии, в “Доме с мезонином”, он произнес им беспощадный приговор:

“Мужичья грамотность, книжки с жалкими наставлениями и прибаутками и медицинские пункты не могут уменьшить ни невежества, ни смертности, так же, как свет из ваших окон не может осветить этого громадного сада”.

Короленко мог всерьез, до слез восхищаться стихами, где описывались “волки реакции”, обступившие певца, народного поэта, в поле, в метель, и то, как он так звучно ударил по струнам лиры, что волки в страхе разбежались.

“Это вы правду рассказываете?” — с невеселым смехом допытывался Чехов у Бунина, передавшего ему эту историю. Ему было горько, что огромные трудности, встававшие на пути к будущему, подменялись такой дешевой бутафорией.

Он очень туманно представлял себе истинный размах революционно-освободительной борьбы.

“Движение есть, — писал он в 1900 году, — но оно, как движение земли вокруг солнца, невидимо для нас”.

Чехов не знал, что уже при его жизни созданные им образы были подхвачены большевистской публицистикой и оказались могучим подспорьем революционной агитации, что образ “палаты № 6” воплотил для молодого Ленина тот мир насилия, борьбе с которым он посвятил жизнь.

Чехов говорил, что его будут читать еще лет семь. “Ну, семь с половиной...”

Как-то он прибавил: — Но потом пройдет еще некоторое время, и меня опять начнут читать, и тогда уже будут читать долго.

Но если бы кто-нибудь сказал ему, что не долго, а всегда, Антон Павлович рассердился бы: он терпеть не мог громких слов.

Я думаю, что наши далекие потомки, читая про эти сомнения Чехова, будут улыбаться так же, как улыбаемся мы.

Ведь нас по-прежнему потрясает его рассказы о крыжовнике, о жалких суррогатах счастья, о тине мелочей, отгораживающих человека от мира, о страшных мгновениях, когда люди понимают, что жизнь прожита зря.

— Не прозевайте жизни! — негромко, как бы стеснясь показаться наставником, советует Чехов. — Не растратьте ее по пустякам. Ведь если в жизни есть смысл и цель, то смысл этот и цель вовсе не в нашем личном счастье, а в чем-то более разумном и великом.

В свое время Чехов радовался даже “слабым симптомам той добродетельной заразы, которая неминуемо распространяется по земле от подмира”. Истинный простор для подвигов предоставила наша эпоха. Тысячи юношей и девушек открывают сейчас для себя в неопытных землях не тронутые залежи красоты, которые “привидел Чехов на родной земле”.

Время изменило свой ход! Когда винт самолета начинает вращаться, то в какой-то момент его ленивое мельканье очень похоже на движение ног ровной бегущей лошади. И кажется странным, что при жизни Чехова эта скорость на огромных пространствах была предельной.

Мощный самолет, как машинное время, в считанные часы пересекает моря и континенты, и вполне под стать этому богатырскому полету прекрасное чеховское напутствие новым поколениям:

“— Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенно, сти своего свободного духа”.